

ИГОРЬ ГАСПАРОВ*

ЖИВОТНЫЕ, КОТОРЫЕ МЫСЛЯТ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-116-122.

В декартовых «Размышлениях о первой философии» мы находим следующие слова:

Чем же я считал себя раньше? Разумеется, человеком. Но что есть человек? Скажу ли я, что это — живое разумное существо? Нет, ибо тотчас же вслед за этим возникнет вопрос: что это такое — живое существо и что такое разумное? — и так я от одного вопроса соскользну ко множеству еще более трудных; между тем я не располагаю таким досугом, чтобы растрачивать его на подобные тонкости. Я лучше направлю свои усилия на то, что самопроизвольно и естественно приходило мне до сих пор на ум всякий раз, когда я размышлял о том, что я есмь. Итак, прежде всего мне думалось, что у меня есть лицо, руки, кисти и что я обладаю всем этим устройством, которое можно рассмотреть даже у трупа и которое я обозначил как тело. Далее мне приходило на ум, что я питаюсь, хожу, чувствую и мыслю; эти действия я относил на счет души. Однако что представляет собой упомянутая душа — на этом я либо не останавливался, либо воображал себе нечто немислимо тонкое, наподобие ветра, огня или эфира, разлитого по моим более грубым членам. Относительно тела у меня не было никаких сомнений, и я считал, что в точности знаю его природу; если бы я попытался объяснить, какой я считаю эту природу, я описал бы ее таким образом: под телом я разумею все то, что может быть ограничено некими очертаниями и местом и так заполняет пространство, что исключает присутствие в этом пространстве любого другого тела; оно может восприниматься на ощупь, зрительно, на слух, на вкус или через обоняние, а также быть движимым различным образом, однако не самопроизвольно, но лишь чем-то другим, что с ним соприкасается; ибо я полагал, что природе тела никоим образом не свойственно обладать собственной силой движения, а также ощущения или мышления; я скорее изумлялся, когда обнаруживал подобные свойства у какого-то тела (Декарт, Шейман-Топштейн, 1994: 22–23).

*Гаспаров Игорь Гарибович, доцент кафедры философии, Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, i.gasparov@vsmaburdenko.ru.

**© Гаспаров, И. Г. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00840.

И далее:

Итак, что же я есмь? Мыслящая вещь. А что это такое — вещь мыслящая? Это нечто сомневающееся, понимающее, утверждающее, отрицающее, желаемое, не желаемое, а также обладающее воображением и чувствами (Декарт, Шейман-Топштейн, 1994: 24).

В приведенных цитатах мы видим ясное и отчетливое изменение, произошедшее в самопонимании человека, маркирующее отход от древней, прежде всего античной, но сохранившейся и в Средние века традиции видеть себя в качестве одной из многообразных форм жизни. В Античности термином «живое существо» обозначалось все, что обладало способностью к поддержанию собственного существования, от растений до богов и даже всего космоса в целом, а термин «душа» использовался для обозначения начал, объяснявших различные жизненные функции живых существ от питания и размножения до мышления в собственном смысле слова (Polansky, 2007). В Средние века такое представление — с определенными модификациями — продолжило свое существование, прежде всего в схоластической философии. В подобной картине мира очевидна общность между людьми, животными и даже растениями, поскольку все они обладают некоторыми сходными способностями. Например, все они питаются и размножаются. Также очевидно, что между некоторыми из них имеется большее количество сходств. Например, люди и собаки обладают сходными способностями восприятия, хотя, возможно, это сходство имеет не сущностный, а лишь аналогический характер, т. е. зрение собаки и зрение человека лишь подобны, но при этом не имеют общей природы в строгом смысле слова. Наконец, некоторые виды живых существ могут иметь уникальные способности. Классическим примером могло бы служить мышление, понимаемое как способность оперировать общими понятиями в отличие от образов, которое как раз и отличает человека от других живых существ. Именно с этой — интуитивно мне близкой — картиной мира Декарт, а вместе с ним и вся последующая традиция новоевропейской философии, разрывает решительно и радикально. Не берусь судить об этом однозначно, но кажется, что он делает это в угоду своей — весьма спорной с точки зрения сегодняшних представлений — эпистемологии¹. Пытаясь достичь

¹Например, см. Декарт, Шейман-Топштейн, 1994: 23: «Но что же из всего этого следует, если я предполагаю существование некоего могущественнейшего и, если смею сказать, злокозненного обманщика, который изо всех сил старается, насколько это в его власти, меня одурачить? Могу ли я утверждать, что обладаю хотя бы малой долей всего

абсолютных оснований для своих убеждений, он отвергает любую возможность отождествления себя с живым существом и признает свое тождество только и исключительно с субъектом некоторых психологических характеристик, таких как сомнение, понимание, утверждение, отрицание, желание, чувство, исключая из них даже восприятие. Этот психологический субъект он и называет мыслящей вещью.

Многие из проблем, с которыми довольно безуспешно бьется современная философия сознания, проистекают из этого радикального разрыва с докартезианским самопониманием человека как живого существа особого рода. Например, ответ на вопрос «мыслят ли животные?», как верно замечает Ю. В. Горбатова, зависит от того, как понимать, что такое мышление. Если следовать логике Декарта, то мыслить — это значит быть субъектом неких психологических установок или осуществлять некие — не любые — психологические акты, примеры которых были приведены выше. Есть ли они у животных? Есть ли они вообще у кого-то, кроме меня? Можно ли устранить все сомнения по этому поводу? Такое понимание мышления извлекает меня из общности не только с другими живыми существами, но и из общности с себе подобными, поскольку только о самом себе я могу с уверенностью сказать, что я осуществляю ментальные акты, являюсь их субъектом, и, осознавая это, оказываюсь причастен мышлению, которое в некотором смысле я и есть. С другой стороны, мысля, я мыслю не только самого себя, но и других. И, собственно говоря, эти другие, по крайней мере, в темпоральном смысле, предшествуют мне в моем мышлении. Мысля других, я мыслю их «рационально» устроенными, т. е. не лишенными внутренней целесообразности, которая либо связана с ними самими, либо привнесена в них кем-то еще. Но об этой рациональности я могу, с точки зрения Декарта, только догадываться. Как мне кажется, до известной степени эта картезианская в своем существе «логика» доминирует и у автора рассматриваемого эссе, когда она пишет:

того, что, по моим словам, принадлежит к природе тела? Я сосредоточенно вдумываюсь, размышляю, перебираю все это в уме, но ничто в таком роде не приходит мне в голову; я уже устал себе это твердить. А что же можно сказать о свойствах, кои я приписал душе? О способности питаться и ходить? Да ведь если у меня нет тела, то и эти свойства — плод чистого воображения. А способность чувствовать? И ее не бывает без тела, да и, кроме того, у меня бывают во сне многочисленные ощущения, коих, как я это отмечаю позже, я не испытывал. Наконец, мышление. Тут меня осеняет, что мышление существует: ведь одно лишь оно не может быть мной отторгнуто. Я есмь, я существую — это очевидно».

Собственно, здесь можно безболезненно разрешить ту ситуацию, которая возмущает де Ваала — что животные якобы не мыслят. Достаточно развести понятия мышления в широком смысле (назовем это *думать*) как наличия осознанного рационального поведения и мышления в узком смысле — усилия, с помощью которого в просвете бытия приоткрывается истина, — как вопрос о том, мыслят ли животные, отпадет. Да, в широком смысле понятия «мышление» животные мыслят, в узком — мы не знаем и вряд ли сможем узнать, а потому не стоит и гадать об этом, наделяя животных теми способностями, о наличии которых нам пока ничего не известно.

Ю. В. Горбатова пытается применить различие между мышлением в широком смысле и мышлением в узком смысле в качестве решения спора о том, мыслят ли животные, но, как я думаю, при этом игнорируется сам вопрос по существу, так как он оказывается спором о словах. *Если* мышлением называть то-то и то, *то* животные мыслят и люди тоже мыслят. *Если* же мышлением называть то-то и то, *то* мыслят только люди. Однако, с точки зрения Декарта, мышление в широком смысле слова — это вообще не мышление в том смысле, в каком он его понимает. Поскольку в его понимании мышление — это вообще не когнитивная способность, а скорее некий психологический акт, интроспективно самоочевидный для его обладателя, но полностью закрытый для кого-нибудь иного, по крайней мере, если смотреть на это с позиции обретения полной достоверности. В этом смысле ответ на вопрос «мыслят ли другие люди?» столь же загадочен, как и ответ на вопрос «мыслят ли другие (отличные от человека) животные?». Неудивительно, что после множества неудачных попыток построить удовлетворительную философскую систему в рамках картезианского *cogito* маятник качнулся в противоположную сторону. Бихевиоризм и его современный наследник, функционализм, предлагают полностью игнорировать субъективную сторону ментальной жизни, полностью отказаться от интроспекции, при этом часто, как и Декарт, аргументируя свою позицию тем, что они не дают нам надлежащей достоверности результатов. Как мне представляется, современная философия сознания во многом остается в рамках этой непродуктивной дилеммы — либо невыразимая субъективность психологического переживания, либо бесчувственная машинерия нервных клеток, — самым известным проявлением которой является т. н. «трудная проблема» сознания.

В рамках докартезианской картины мира трудно представить существование такой проблемы, поскольку мышление понимается не столько

как некий психологический акт субъекта, сколько как способность, присущая определенным живым существам и составляющая неотъемлемую часть их природы. В этом смысле не существует проблемы в том, как из лишенной субъективности природы возникает субъект переживания. Хотя, возможно, существует вопрос о том, как и почему возникают/существуют живые существа именно с такими способностями или именно с такой природой. Несомненно, в рамках докартезианской картины мира на этот вопрос существовали ответы. Трудно сказать, насколько эти ответы могли бы удовлетворить современного философа или ученого, но сама идея, что мы — животные², которые мыслят, кажется мне интуитивно более привлекательной, более естественной, чем основные ее альтернативы, согласно которым мы являемся некой разновидностью психологических сущностей или чисто физическими объектами, подобие мозгов или человекообразных совокупностей клеток, связанных между собой системой сложных отношений, которые столь любимы современными метафизиками.

Однако, если мы всего лишь мыслящие животные, то как быть с «просветом бытия», попадание в который является, по мнению Ю. В. Горбатовой, результатом усилия мысли, характеризующим уникальность человека? Честно говоря, с одной стороны, я испытываю определенные трудности с пониманием данного выражения. Действительно, что оно могло бы означать? Или, лучше сказать, на что оно могло бы указывать? Сама автор описывает опыт мышления как своего рода личное соприкосновение — краткое и мимолетное — с вечной истиной. С другой стороны, мне кажется очевидным, что подобного рода опыт встречается в жизни если не каждого человека, то, по крайней мере, достаточно большого числа людей. Поэтому у меня складывается впечатление, что это выражение не полностью лишено смысла, хотя и кажется мне не слишком удачным. Более серьезная трудность состоит, однако, в том, как субъективный психологический акт — когнитивный или волевой, — взятый сам по себе, может приоткрыть вечную истину. Почему опыт личного соприкосновения с истиной должен быть чем-то большим, чем просто субъективным — в данном случае это означает произвольным, не общезначимым, никого не обязывающим — переживанием? Есть ли у тех, кто отвергает докартезианское понимание человека, ответ на этот

²Термин «животное» следует понимать здесь скорее как «живое существо», т. е. наделенное жизнью тело определенного вида, нежели как животное в противоположность растению или животное в противоположность человеку как личности.

вопрос? Мне кажется, что если он даже и есть, то какой именно это ответ, не вполне очевидно. В противоположность этому докартезианское понимание мышления как специфической способности, направленной на специфические объекты, дает прямой ответ: мысля, т. е. реализуя соответствующую способность, человек приобщается объектам своего мышления, особым способом актуализируя их в себе. Например, когда человек мыслит математические истины, которые являются неизменными, то он в буквальном смысле соприкасается с вечной истиной. Конечно, такая онтология устроит далеко не каждого, однако она дает нам возможность приблизиться к пониманию, как возможен опыт того, что Ю. В. Горбатова называет нахождением в «просвете бытия». В категориях докартезианской картины мира мышление — это то, что позволяет некоторым животным приобщаться к тому, что превосходит их как животных, т. е. тех, кто обречен на смерть. Мысля, они в буквальном смысле восходят к объектам, которые отличаются от них тем, что они непреходящи. Можно ли во все это верить сегодня, после Декарта, Канта, бихевиоризма и десятка другого разных иных -измов? Почему бы и нет, если идея того, что мы — животные, которые мыслят, не только интуитивно привлекательна, но и не имеет явного опровержения, и к тому же способна предложить объяснение того, почему мы переживанием наш опыт мышления как опыт того, что превосходит нас самих.

ЛИТЕРАТУРА

- Декарт Р.* Сочинения. В 2 т. Т. 2 / под ред., примеч. В. В. Соколова ; сост. В. В. Соколова ; пер. с лат., с фр. С. Я. Шейман-Топштейн. — М. : Мысль, 1994. — (Философское наследие ; 119).
- Polansky R.* Aristotle's De Anima. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

Gasparov, I. G. 2018. "Zhivotnyye, kotoryye myslyat [Animals Who Think]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (4), 116–122.

IGOR' GASPAROV

ASSOCIATE PROFESSOR AT N. N. BURDENKO VORONEZH STATE MEDICAL UNIVERSITY

ANIMALS WHO THINK

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-116-122.

REFERENCES

- Dekart, R. [Descartes, R]. 1994. [in Russian]. Vol. 2 of *Sochineniya [Works]*, ed. and annot. by V. V. Sokolov, comp. V. V. Sokolov, trans. from the Latin and from the French by C. Ya. Sheyman-Topshteyn. 2 vols. *Filosofskoye naslediyе 119*. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Polansky, R. 2007. *Aristotle's De Anima*. Cambridge: Cambridge University Press.